

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

ОЛИВЬЕ НОРЕК

РАСПЛАТА

РОМАН

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ!

Как всегда, Норек пишет прекрасно и не дает нам перевести дух;
этот захватывающий роман буквально бьет наотмашь.

Branches culture

Звезды мирового детектива

Оливье Норек

Расплата

«Азбука-Аттикус»

2020

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

Норек О.

Расплата / О. Норек — «Азбука-Аттикус», 2020 — (Звезды мирового детектива)

ISBN 978-5-389-21314-2

Оливье Норек – в прошлом гуманитарный волонтер во Французской Гвиане и странах бывшей Югославии, затем офицер полиции с восемнадцатилетним стажем, обладатель уникального опыта и трезвого взгляда на реальность. А кроме того, он звезда нуара, которого сравнивают с Ю Несбё и Жан-Кристофом Гранже, и обладатель нескольких престижных литературных премий, в том числе Prix Maisons de la Presse, Prix du polar européen, Étoile du Parisien du meilleur polar и других. В новом романе Норек «Расплата» бывший спецназовец Виржил Содал, безутешный отец, потерявший единственного ребенка, объявляет войну этому миру, ради наживы убивающему детей – убивающему всех без разбора. Чтобы мир стал лучше, нужно, в общем-то, немного – всего лишь внушить руководству и акционерам крупных корпораций, что нельзя бездумно пожирать ресурсы планеты ради непомерных доходов. В своей воспитательной работе Содал готов идти до конца – он не прячется и понимает, что его ждет, но считает, что не может иначе. Действует он хладнокровно, методы его весьма нетрадиционны, дело, увы, не обходится без жертв – и все равно мир сочувствует ему и постепенно пробуждается вместе с ним. А тем временем полицейские ищут Содала – и тех, кого он похитил... Впервые на русском!

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-389-21314-2

© Норек О., 2020
© Азбука-Аттикус, 2020

Содержание

Часть первая. «Гринвар»	8
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Оливье Нореk

Расплата

Olivier Norek

ИМПАКТ

Copyright © Éditions Michel Lafon, 2020

Published by arrangement with Lester Literary Agency & Associates

© В. П. Чепига, перевод, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023

Издательство Азбука®

* * *

Как всегда, Нореk пишет прекрасно и не дает нам перевести дух; этот захватывающий роман буквально бьет наотмашь.

Branches culture

Оливье Нореk злится, и эта злость делает ему честь. Это абсолютно необходимая книга. Прочтите ее незамедлительно и дайте прочесть всем вокруг.

Benzinomag

Роман «Расплата» – поразительная и ужасающая фреска, под прицелом у Оливье Норека – гиганты экономики, нефтяная индустрия и банки. Нореk не щадит читателей и не дает им ни минуты отдыха: он умеет давить на больное и жестоко терзает наше нутро и совесть.

Le Parisien

Головокружительный триллер, яростный рывок к истине. Bravo!

Les Artsze

* * *

Посвящается тем, для кого наша планета всегда в опасности

* * *

Я знаю жизнь, поэтому мне не пришлось ничего выдумывать.

Виржилия Солала еще не существует.

Но некоторые ждут его, потому что мир кричит о помощи.

В этом романе убийца говорит только от своего имени.

* * *

Сначала великие изменения кажутся невозможными.

Затем они становятся неизбежными.

Боб Хантер, соучредитель «Гринпис»

В 1965 году вода была бесплатной. Скоро она будет стоить, как нефть.

Пол Уотсон, создатель «Морского пастуха»¹

Природой можно управлять, только подчиняясь ей.
Фрэнсис Бэкон. *Novum Organum*, 1620

¹ «Морской пастух» (*Sea Shepherd Conservation Society*, с 1977 г.) – американская некоммерческая организация, занимающаяся защитой и сохранением экосистем морской среды. – Здесь и далее примеч. перев., кроме отмеченных особо.

Часть первая. «Гринвар»

2

1

*2020. Дельта реки Нигер. Нигерия.
Нефтепроводы. Земли народа огони³*

На каждом повороте ведущая машина, военный пикап, поднимала тучи мелкой пыли, которая проникала, куда только могла. За пикапом в пылевом облаке тянулся внушительный караван из десяти грузовиков. Издалека казалось, будто ожившее туманное чудовище мчится к ближайшим деревням, чтобы их поглотить.

Солал больше не мог выносить эту въевшуюся пыль. Пыль была в каждом кармане жилета, между всеми деталями пистолета, на щеках, в ушах, под веками, пыль скрипела на зубах. Это сводило с ума.

Солал был типичным военным офицером – с жестким взглядом, короткими волосами, лет сорока, плюс-минус десять, определить невозможно. Бывают такие мужчины без возраста. Он дважды постучал по термометру на приборной панели. Если температура поднимается выше пятидесяти градусов, тело перестает нормально функционировать, и без охлаждения организм быстро выходит из строя. Сегодня сорок шесть градусов, неслыханная жара даже для этой части Африки, то есть майор Солал был в четырех градусах от теплового удара и смерти. Буквально. Тридцать сотрудников нигерийской мобильной полиции, которые ехали в грузовиках, переносили зной лучше, но им тоже было жарковато.

Все сто километров пейзаж не менялся. Выразительная линия пальм на горизонте прорезала ослепительно-синее небо, словно природу здесь никогда не тревожили и она осталась такой же, как миллион лет назад. Но когда солнце ненадолго освещало эту линию, пальмы становились такими, какими были сейчас, чахлыми и истощенными.

Если кто и решался посмотреть вниз, то видел лишь черную грязную землю, пропитанную нефтью из разваливающихся трубопроводов, которая разъедала корни деревьев у небольших речушек. Вода в липких радужных разводах переливалась миллионами цветов. Это был яд, которым напиталась почва, этот яд отравил самые глубокие слои подземных вод, и земля больше не могла его поглощать. Солал закутал нос и рот платком, но тщетно: зловоние углеводородных паров проникало глубоко в легкие. Это зловоние ощущалось на языке и нёбе, как если бы он лизнул пол на бензозаправке.

По обе стороны дороги в небо били огромные языки пламени, окруженные черным, плотным, почти осязаемым дымом. При добыче нефти выделялся газ, который сжигался здесь в больших емкостях, хотя этот метод был давно запрещен, и Солалу приходилось задерживать дыхание, чтобы не задохнуться.

– Десять минут до пункта назначения, – передали по рации.

Через указанное время колонна машин затормозила у въезда в деревню Гой, и пришлось дожидаться, пока пыль не осядет тяжелыми хлопьями, чтобы что-нибудь рассмотреть.

Там, словно на перроне невидимой станции, затерянной в густых зарослях, под большой дырявой жестяной крышей собралось около трехсот человек – женщин, мужчин и детей; у их

² Greenwar (*англ.*) – букв.: зеленая война.

³ *Огони* – один из нигерийских народов, проживающий в штате Риверс, в дельте Нигера; вместе с соседями, народом иджо (изон), огони стали основными жертвами деятельности британской транснациональной нефтяной и газовой компании «Шелл» в Нигерии.

ног в чемоданах, холщовых сумках и мешках для мусора лежало все их имущество. Перед толпой стояли четыре сотрудника из «Международной Амнистии», среди них француженка-экс-патриантка, которая заставила Солала сюда приехать, хотя ему этого совершенно не хотелось. Уже в плохом настроении Солал ступил на землю.

– Спасибо, капитан, что проделали такой путь, – поприветствовала его француженка. Футболка на ней была потной.

– Майор, а не капитан. И не надо благодарности, я здесь не по своей воле.

Солал подал знак, и три десятка нигерийских полицейских в черной форме, зеленых беретах, солнцезащитных очках и с автоматами Калашникова выпрыгнули из грузовиков. Их командир Абайе, начальник нигерийской полиции, сошел последним. Несмотря на жару и невыносимую вонь, он невозмутимо закурил в сторонке, давая понять Солалу, что большего от него ждать не следует, если тот еще не сообразил. Он тоже был вынужден согласиться на это задание. Министерство иностранных дел обязало Солала нянчиться с этой молодой француженкой из гуманитарной миссии и репатриировать ее, а комиссар полиции Абуджи⁴ возложил на суперинтенданта Абайе ответственность за безопасность французского майора.

– Я думал, деревня Гой была эвакуирована после разлива нефти, – заметил Солал. – Так что же они до сих пор здесь делают?

Француженка улыбалась, несмотря на явное раздражение собеседника.

– Разлив нефти? О котором из них вы говорите? В этой дельте их было более четырех тысяч⁵. Огони не знают, куда податься. Местные нефтяные компании, «Шелл» или «Эни», которые тут все загрязняют, «Мстители дельты Нигера», которые разрушают инфраструктуру, коррумпированная полиция и армия... К кому они могут обратиться за помощью? Даже вы здесь лишь потому, что я француженка и посольству совсем не нужно, чтобы я исчезла, на меня напали или где-нибудь закопали.

– У каждого свои обязанности. Я здесь не для того, чтобы спасти Нигерию, я должен доставить вас в безопасную зону посольства в Абудже.

Девушка повернулась к деревенским жителям, усталым и взволнованным, вверившим судьбу этим незнакомцам.

– Но сначала мы позаботимся о них? – уточнила она.

– Это наше задание. Вы же наверняка не сможете их тут бросить. Так куда их отвезти?

– В Порт-Харкорт, это в шестидесяти километрах.

– В эти трущобы?

– Там все равно лучше, чем здесь. Рыба гибнет, то, что растет на земле, почти мертво, а вода в колодцах отравлена тяжелыми металлами. Воздух настолько грязный, что идут кислотные дожди, они проедают жестяные крыши и превращают камень в пыль⁶. А представьте, что делается с их кожей. Дельта – одно из первых мест в мире, где жизнь просто исчезла. Так что трущобы для этих людей – совсем неплохо.

Солалу нигерийская полиция не подчинялась, и он попросил суперинтенданта Абайе начать операцию. Триста жителей деревни согнали в кучу, как скот, их подталкивали прикладами и пихали кулаками. Солал смотрел на это, но вскользь, чтобы образы не перекочевали в мозг, а из мозга в душу. Не думать. Не вспоминать. Оставить все это дерьмо здесь, в этой части Африки, которую он надеялся скоро покинуть и не хотел запоминать. И все же...

⁴ Абуджа – столица Нигерии.

⁵ Разлив нефти? О котором из них вы говорите? В этой дельте их было более четырех тысяч. – «Забывшие разливы нефти в дельте Нигера», *The Guardian*, 3 июля 2010 года.

⁶ Рыба гибнет, то, что растет на земле, почти мертво, а вода в колодцах отравлена тяжелыми металлами. Воздух настолько грязный, что идут кислотные дожди, они проедают жестяные крыши и превращают камень в пыль. – «Путешествие в сердце огни. Разливы нефти», *Friends of the Earth International*, 17 мая 2019 года; «Эволюция окружающей среды в землях огни», Программа ООН по окружающей среде, 2011 год.

Сначала он заметил слепого ребенка, которого несла мать, – его белесые глаза ярко выделялись на черной коже. Другой взбирался по металлическим ступенькам в грузовик, но непослушные руки и ноги непрерывно тряслись. В конце концов один из солдат не вытерпел и подкинул его в кузов. К третьему ребенку, кожа которого висела сухими лоскутами по всей спине, туловищу и тонким рукам, даже не притронулись, такое отвращение он вызывал. Старики казались мертвецами, взрослые – увядшими, дети – больными.

А когда в грузовиках закончилось место, стали выбрасывать за борт их баулы. Но никто не возмутился: люди сомневались, что «Международная Амнистия» уберет их от побоев или чего-нибудь похуже.

– У меня еще одна просьба, майор, – нерешительно произнесла француженка, почти уверенная, что ей откажут.

– Ответом будет «нет», – отрезал Солал, которому не терпелось поскорее убраться отсюда.

– Всего метрах в ста. Это очень важно.

Ему пришлось пойти за девушкой, поскольку она уже двинулась вперед. За ними последовал недовольный Абайе и двое его подчиненных. Растрескавшаяся темная грунтовка, уходящая в чащу голых деревьев, привела к глубокой яме, до краев заполненной трупами на разных стадиях разложения. Человек двести, а может, и вдвое больше. Запах гниения смешивался с запахом нефти. Много детских трупов, гораздо больше, чем взрослых.

– За пять лет более тридцати миллионов литров нефти попали в Атлантический океан⁷, – сказала девушка. – Вы стоите на одном из самых отравленных мест на земле, и это лишь часть печальной реальности. В каждой деревне десятки смертей в неделю, их просто не успевают хоронить.

– Вы издеваетесь? – прорычал Солал. – Я-то тут при чем?

– Кроме Гой, вокруг этой братской могилы двадцать небольших поселений. Трупы гниют на солнце, микробы размножаются, здесь рассадник инфекций. Надо бы вернуться с экскаватором, выкопать яму побольше, засыпать известью и добавить метра три земли. Одному Богу известно, какие болезни расползутся отсюда.

Страшная реальность исподволь разъедала душу Солалу. Он задал вопрос, но сразу проклял себя – ответа он совершенно не хотел слышать.

– Почему столько детей?

– Причин много. Преждевременная смерть, отравление свинцом, рак, сердечно-сосудистые, респираторные, неврологические заболевания. Каждый второй ребенок болеет⁸. Средняя продолжительность жизни в Нигерии пятьдесят пять лет, но в дельте она снижается до сорока. Одна только нефтяная промышленность отнимает пятнадцать лет жизни⁹. Их полтора миллиона, и поскольку страдает уже второе поколение, у них было украдено в общей сложности сорок пять миллионов лет.

Образ гигантского ненасытного вампира, который навис над этой землей и одним махом высосал сорок пять миллионов лет жизни, усилил отвращение Солала. Француженка смотрела, как он подходит к командиру Абайе и что-то ему говорит. Абайе бросил взгляд на яму с трупами и будто бы дал согласие.

⁷ За пять лет более тридцати миллионов литров нефти попали в Атлантический океан. – «Нигерия: „Международная Амнистия“ обвиняет „Шелл“ и ENI в сокрытии загрязнения вод», *Agence France-Presse / Le Monde*, 13 марта 2018 года.

⁸ Причины много. Преждевременная смерть, отравление свинцом, рак, сердечно-сосудистые, респираторные, неврологические заболевания. Каждый второй ребенок болеет. – «Путешествие в сердце огни. Разливы нефти», *Friends of the Earth International*, 17 мая 2019 года.

⁹ Средняя продолжительность жизни в Нигерии пятьдесят пять лет, но в дельте она снижается до сорока. Одна только нефтяная промышленность отнимает пятнадцать лет жизни. – «Дельта Нигера, пятьдесят лет разливов нефти», *La Croix*, 14 июля 2010 года.

Когда француженка присоединилась к когорте солдат и остальных членов «Международной Амнистии», вереница грузовиков с последними выжившими из деревни Гой наконец отправилась в путь, покидая место, с которым не мог сравниться никакой ад. Солал, Абайе и двое полицейских остались. Они выкачали три четверти бензобака одной из машин. Достойных похорон не будет. Сюда никто не вернется.

Черный столб, поднимавшийся от горящих тел в небо, был виден за много километров. Рожденные в нефти, питающиеся нефтью, умершие от нефти, сгоревшие от нефти.

При виде густой черной тучи француженка сразу поняла, что сделали Абайе и майор. Она закрыла глаза. Подобно затопленной земле, которая больше не может впитывать воду, она не могла больше это выносить.

Солал сел в машину, и до конца поездки они с Абайе не обменялись ни словом. У города Абуджа на мобильник пришло сообщение. Он и не думал, что сегодня сможет улыбнуться.

«Досрочный вылет. Ты возвращаешься во Францию, Виржил!»

2

Париж. Родильное отделение Пор-Рояль

Его первенец. Девочка. Виржил Солал боялся за нее еще до рождения. И отныне будет бояться все время.

Он найдет более спокойную работу, чтобы не покидать Францию, и откажется от командировок на пяти континентах. Пусть останется только один континент, одна страна, один город, один район, один дом, одна детская комната... Достаточно большая территория, которую нужно защищать.

Вскоре их станет трое.

Он видел дочь на нескольких нечетких УЗИ, когда получил открытку от жены. Маленькое существо, плавающее в питательной жидкости. Не терпелось наконец-то познакомиться с ней.

В четвертый раз акушерка приказала Лоре тужиться, и в четвертый раз крики Лоры эхом отразились от стен коридоров родильного отделения, украшенных детскими рисунками и фотографиями улыбающихся младенцев. Лора впиалась ногтями в ладонь Виржиля. Это была самая чудесная пытка в жизни, он даже убедил себя, что способен простым касанием рук оттянуть на себя часть ее боли.

Однажды в детстве Виржил тяжело заболел, и мать, сетуя на свое бессилие, молилась: «Если бы я могла забрать твою боль...»

– Если бы я мог забрать твою боль, – прошептал он Лоре.

Как напуганный пассажир самолета, попавшего в турбулентность, смотрит на стюардессу, чтобы понять серьезность ситуации, так и Виржил не сводил глаз с акушерки, пытаясь расшифровать выражение ее лица, слова и интонации.

Он услышал, что показалась голова, появилось плечо, услышал радостные возгласы Лоры, ее прерывистое дыхание. Он услышал, как заколотилось собственное сердце, словно рвалось навстречу дочери. Затем, когда медсестры перестали суетиться, он понял, что ребенок появился на свет. На секунду он увидел дочь, розовую, мокрую, пухлую и выпачканную, и она исчезла за блузой акушерки, чьи добрые руки повторяли движения, которые делали уже тысячи раз.

Затем движения стали неуверенными и более резкими.

Потом исчезли звуки.

Кроме оглушающего звука тишины, которой не должно было быть.

Акушерки выбежали в коридор и стали звать педиатра. Даже панические крики Лоры не заставили Виржиля обернуться. Он не мог пошевелиться от парализовавшего его ужаса. Одна из акушерок два раза стукнула между маленькими лопатками. Запыхавшийся педиатр не

глядя оттолкнул ее, отсосал через трубочку жидкость изо рта и носа младенца, чтобы прочистить дыхательные пути. Ребенка интубировали, а Виржиля попросили выйти из палаты. Но он смотрел с такой решимостью, что второй раз просить не стали. Ввели зонд, начали вентилировать крошечные легкие, но те не реагировали. Розовый ребенок стал синим. И не двигался.

– Массаж сердца? – спросила акушерка.

– Бесплезно, воздух не проходит, легкие как будто слиплись, ничего не понимаю, – бормотал педиатр. – Не понимаю.

Виржиле уставился на край реанимационного стола, на сморщенную ручку, на неподвижные хрупкие пальчики. В нигерийском аду он мечтал, как однажды будет держать в руках эти крохотные ладошки.

Педиатр больше не двигался. Его руки бессильно повисли. Борьба за жизнь ребенка прекратилась.

Сердце остановилось. Клетки мозга уснули в считанные секунды, миллионы клеток...

Виржиле наконец повернулся к Лоре. Они были как две пустые оболочки, навеки проклятые и умершие в один миг.

3

Париж. Два года спустя.

За три часа до первого контакта

Будильник молчал, но ему все равно крепко досталось от Дианы, пока она не поняла, что звонит мобильный. 5:30 утра.

Вынырнув из глубокого сна, она уставилась на голубой экран, мерцающий в полной темноте, чтобы выяснить, на кого сейчас будет орать. Но оказалась лишена этого удовольствия.

– Майор?

– Извините, Диана.

– Еще очень рано. Или очень поздно. Что-то срочное?

– Сам бы хотел понимать. Меня, как и вас, разбудили, знаю не больше вашего. Подойдите к окну.

Она сунула замерзшие ноги в теплые тапочки, энергично потерла лицо и шагнула к окну. Улицу освещали только фонари.

– Видите черный седан?

– Да. Стоит внизу. Двигатель работает.

– Это ваш водитель. Одевайтесь, вас ждут в Тридцать шестом отделе «Бастиона».

– Это не мой отдел. У них там уже нет психолога?

– Вы задаете вопросы человеку, который не знает ответов и собирается снова лечь спать. Я знаю только, что это приказ прокурора.

– Наркотики? Несовершеннолетние? Преступление? – уточнила Диана.

– Повторяю, я не в курсе событий. Сообщите, как только все узнаете. Неприятно, когда тебя держат в неведении.

Прежде чем отключиться, он предупредил:

– Мы привыкли к вам, к тому, как вы работаете. И мы вас очень ценим. Но в Тридцать шестом вас еще не знают. Ни вас, ни ваших привычек. Так что постарайтесь не ставить нас в неловкое положение.

Диана еще мгновение смотрела на мобильник. Может, это все побочка от снотворного или дурацкий сон, который потом придется разгадывать? Машина мигнула фарами, и Диана поняла, что, если она видит силуэт водителя через ветровое стекло, он ее тоже видит.

Диана избегала лишних ежедневных хлопот, стараясь организовать жизнь как можно проще. Это уравнивало постоянный беспорядок в голове. Всегда белая футболка, сверху

свободный свитер, всегда узкие джинсы и удобные кроссовки. Мальчишеская стрижка, иссиня-черные волосы, на которые достаточно плеснуть воды, чтобы привести их в порядок. Она наскоро умылась, надела аляповатый пуховик и захлопнула дверь своей крошечной студии.

Водитель стоял рядом с машиной, пассажирская дверца была открыта. Отвратительно бодрый и приветливый, он явно не страдал от этой ночной вылазки.

– Диана Мейер?

Она кивнула и села в машину.

– Вы знаете, что происходит? – спросила она, когда машина тронулась.

– Да, – улыбнулся он.

И больше ничего не сказал, так что всю дорогу они молчали.

У «Бастиона», парижской штаб-квартиры Региональной службы уголовного розыска, водитель припарковался между двумя аварийно-спасательными автомобилями. Выйдя из седана, они услышали мощный рев работающего на пределе двигателя: машина с тонированными стеклами въехала на стоянку Тридцать шестого отдела и так резко свернула, что задела днищем асфальт. Видимо, дело было срочное, и Диана подумала, не связано ли это с ночным звонком.

Она окинула взглядом «Бастион». Зловещее здание, больше похожее на современную больницу, чем на полицейское управление.

– Не были здесь раньше?

– Не приходилось.

– Тут одиннадцать этажей, тридцать три тысячи квадратных метров и везде полицейские.

У Дианы закружилась голова, когда она представила себе этот муравейник. Нашарив в кармане коробочку с транквилизатором, она вытряхнула полтаблетки и захрустела ею, как леденцом. Последовав за водителем, прошла через металлоискатель. Тот зазвенел, но охранник сказал, что сумку показывать не надо. В холле, огромном и пустом в этот час, у Дианы снова закололо в пальцах и пересохло во рту. Только в тесном лифте она немного успокоилась.

Не замечая странного поведения Дианы Мейер, водитель нажал на верхнюю кнопку. Она подумала, что если здание строилось по принципу «чем выше, тем лучше», то это должен быть этаж, который занимает руководство.

– Извините за этот цирк, – сказал водитель. – У нас тут сложная ситуация, нужна ваша помощь. Скоро сами все узнаете.

Двери открылись. Диана оказалась совершенно не готова к бешеной суете, которая царил на верхнем этаже, а ведь утро еще даже не наступило. Мужчины и женщины входили и выходили из кабинетов, словно в гротескной комедии, одни с документами, другие с прижатыми к уху телефонами и очень серьезными лицами, явно беседуя о чем-то важном. Диана нерешительно застыла в лифте.

– Агорафобия? – предположил ее спутник.

– Если бы только это.

– Следуйте за мной, нам в конец коридора.

Они пробрались сквозь толпу снующих туда-сюда сотрудников к кабинету начальника. Тот стоял в пальто и поглядывал на настенные часы, а это означало, что у него либо мало времени, либо есть более важные проблемы. Без особых церемоний он сразу перешел к делу.

– Мейер, – произнес он так, словно они уже были знакомы, – теперь вы работаете на Тридцать шестой отдел и обязаны хранить тайну. Ничего из того, что вы здесь увидите или услышите, не должно выйти за пределы этих стен.

Достав из сумки блокнот и черный фломастер, Диана приготовилась делать заметки.

– Уберите. Мы ничего не записываем, ничего не фиксируем, ничего не снимаем. Это несложно, мы все равно почти ничего не знаем.

Щелкнув пультом, шеф включил плоский монитор своего компьютера, стоявшего на столе для совещаний. Дважды кликнул по видеофайлу и поставил его на паузу, чтобы кое-что разъяснить.

– Вот что мы получили вчера вечером. Отправлено в наш отдел по электронной почте. Пока никто не знает, кроме премьер-министра, президента, кое-каких прокуроров и полицейских на этом этаже. То есть долго в тайне не останется.

И он запустил видео. На экране пошли помехи, появилась размытая картинка. Изображение автоматически сфокусировалось, возникла стеклянная камера размером примерно три на три метра. В углу неподвижно лежал человек в мятом костюме. Рядом с камерой громоздилась металлическая конструкция. На полу стоял медный бак, соединенный с двигателем, тот, в свою очередь, был соединен с длинной выхлопной трубой, конец которой выходил в круглое отверстие, просверленное в толстом стекле камеры.

Ни на стенах, ни на полу, ни на потолке не было никаких деталей. Это мог быть подвал где-нибудь в Париже или сарай в Кентукки.

Затем изображение исчезло.

– Странная штукавина. Что это было?

– С технической точки зрения это стеклянная тюрьма с трубой, соединенной с автомобильным двигателем.

– А с человеческой точки зрения?

– Потребовалось время, но в итоге сработала программа распознавания лиц. В камере находится новый генеральный директор нефтегазовой компании «Тоталь».

Кому бы шеф ни говорил эту фразу, всегда повисало угрюмое молчание.

– Похищение с целью выкупа? – спросила наконец Диана Мейер.

– Вероятно. В любом случае мы прорабатываем эту версию. В письме с видео было сообщение. Точнее, нам назначили встречу. Через три часа. – Он бросил взгляд на настенные часы. – Уже немногим меньше. Нам нужно зайти на «Купидон», это сайт знакомств. И в конкретный профиль.

– У вас есть имя? Ник? Фото?

– Пока ничего. Профиль называется «Total», на фотографии генеральный директор компании. Но самое интересное, что там есть возможность приватного видеочата для профилей, которые друг другу приглянулись. По логике нас ждет зрительный контакт с похитителем, похитительницей или похитителями.

Диана отметила, что даже в такой ситуации шеф использовал гендерно-инклюзивный язык.

– С похитителем или похитителями, – поправила она. – Похищение с целью выкупа – исключительно мужское занятие. И чего вы ждете от меня?

– Вы будете работать с капитаном Натаном Модисом. Он проведет переговоры с тем, кто появится на экране. А вы слушаете.

– Вы хотите, чтобы я составила его профиль?

– Это ваша работа, не так ли?

– Да, но профайлинг далеко не точная наука.

– Сейчас нам важна не столько точность, сколько срочность. От вас требуется не больше того, что вы уже делаете у себя в Центральном отделе по борьбе с насилием.

– Но... Разве у вас в Тридцать шестом нет своего психолога-криминалиста?

– Есть, и наша сотрудница очень компетентна, что бы там ни говорили.

Диана никогда не слышала столь вежливой критики или столь лицемерного комплимента.

– В последнее время она немного утомилась, – продолжил шеф. – Мне же нужен человек в отличной форме, который будет работать круглосуточно семь дней в неделю. Итак, Модис –

главный, а вы отвечаете за наблюдение. Кроме вас, никто не выйдет на связь с похитителем, пока мы не раскроем это преступление. Параллельно работают несколько групп, они занимаются другими аспектами расследования. Модис объяснит по ходу дела.

– И когда я с ним встречусь?

– Вы уже знакомы.

Мужчина, которого Диана считала своим водителем, весело помахал из противоположного угла кабинета. Утром, когда она его разглядывала, у нее сложился образ красавчика из приличной семьи, дисциплинированного, вежливого, рафинированного. Его внешность никак не соответствовала должности капитана Тридцать шестого, которому руководство поручило переговоры по крайне взрывоопасному делу. Она с некоторым удовольствием отметила, что он сложнее, чем эта благообразная картинка.

– Не меня надо анализировать, – проницательно усмехнулся Модис. – Идемте, у нас осталось два с половиной часа.

4

Комнату площадью не более пятнадцати квадратных метров оборудовали так, чтобы можно было обосноваться там надолго. На длинном столе вдоль стены стояла дюжина пластиковых бутылок с водой, капсульная кофеварка и упакованные в блистеры треугольные бутерброды. В центре находился овальный стол, заваленный документами и протоколами, в которых было все, что удалось расследовать за пять часов.

– Вам подойдет. Кабинет не слишком большой? – уточнил Модис, который знал, что агорафобию вызывает как толпа, так и большие пустые пространства.

– Прекрасно. Мне нравится только там, где я могу потрогать стены. Именно поэтому я стала психологом, а не проводником в горах.

– В каком смысле?

– Профайлинг проводится в кабинете, как психоанализ. Это работа лично с человеком или с документами, когда ищешь причины, толкнувшие на преступление.

Модис снял пиджак и аккуратно повесил его на спинку одного из кресел, стоявших в двух метрах от настенного экрана.

– Что еще я должен знать о вас во избежание недоразумений?

Что она могла ответить, чтобы не встревожить его? Гаптофобия, боязнь прикосновений. Энтотофобия, страх перед насекомыми. Гермафобия, страх перед микробами. И немного ипохондрии, если уж быть предельно честной.

– Ничего особенного. Ну, есть много чего, но это не мешает работе.

– Диана или Мейер? – снова уточнил Модис.

– Лучше Диана.

– В таком случае я Натан. Подойдите, Диана, покажу, на какой мы стадии.

Одним движением фокусника он разложил документы следствия на центральном столе.

– Как вы поняли, видео не дает информации о том, где находится заложник. Но их мишень – французский гражданин, видео отправили в уголовный розыск Франции, поэтому я предполагаю, что наш заложник находится во Франции.

– Мишень? Вы не называете его по имени. Специально дистанцируетесь?

– Вы можете называть его «Тоталь» или «гендиректор», если хотите, но я избегаю любого вида сочувствия. Оно мешает объективности.

Он отложил фотографии и сосредоточился на замысловатом наборе букв и цифр, которые Диана не могла разобрать.

– Отдел цифровых расследований хорошо поработал. Если коротко, у каждого компьютера есть IP-адрес, а у каждого адреса есть владелец. Мы попытались отследить, с какого IP

подозреваемый отправил письмо с видео. Увы, мы зашли в тупик. Трафик проходит через VPN – программу, которая каждую минуту меняет адрес. Как будто вы постоянно переезжаете с места на место. Вы неуловимы. И последнее о компьютерных делах: сайт знакомств, где мы встречаемся, расположен на российском сервере, и я по опыту знаю, что в России не очень любят отвечать на наши запросы.

Затем Натан перешел к снимку экрана, где крупным планом был виден механический узел, соединенный со стеклянной камерой.

– Грубо говоря, тут у нас машина. Без кузова и сидений. Камера, в которой находится гендиректор, размером три на три метра, это двадцать семь кубических метров или двадцать семь тысяч литров воздуха. Невозможно рассчитать, за какое время выхлопные газы заполнят пространство до смертельного уровня. Мы не знаем, герметична ли камера, какое топливо используется, насколько загрязнен двигатель, какая у него выработка. Чтобы ловушка сработала, углекислый газ должен вытеснить весь воздух, поэтому вверху нужно отверстие для выхода кислорода. К сожалению, на видео не показана верхняя часть, поэтому я не знаю, насколько оно большое.

– И? По вашим оценкам, сколько осталось жить гендиректору, если они запустят двигатель?

– Максимум полчаса. Но я бы забеспокоился уже после пятнадцати минут.

– А его семья? Члены семьи могут оказаться полезными. Часто убийца, насильник, мошенник или похититель знает своих жертв.

– Семейей занимается другая группа. Если они что-то обнаружат, то сообщат нам. В любом случае мы – центр, мы первыми все узнаём. Не думайте об остальной части расследования. У нас есть только одно дело – сохранить жизнь гендиректора, узнать, сколько будет стоить его освобождение и как организовать обмен. Затем арестуем похитителя.

– Вы так уверенно об этом говорите.

– Обычно их ловят. Особенно если вы охотитесь за главой одной из важнейших компаний страны. У нас неограниченные ресурсы для работы.

– Не все жертвы имеют право на такие привилегии, – поддела его Диана.

– Правосудие, отпуск, школа – каждому по возможностям. Мы поняли, что социальной справедливости не существует, давайте продолжать работу.

Эффективен, резок, прагматичен, скрупулезен. У Дианы складывалось все более четкое представление о новом коллеге. И он еще больше становился ей симпатичен.

– Мне до такой точности оценок далеко, – сказала она виновато. – Моя тема менее техническая, более человеческая и поэтому приблизительная. Очень приблизительная. – Она мысленно сформулировала свои соображения, расставила приоритеты и продолжила: – Во-первых, налицо организованность. Эту операцию планировали заранее. Компьютерная безопасность. Вдумчивый человек с четкой мотивацией. Учитывая статус жертвы, явно смелый. Выбрав гендиректора, он знал, что на поиски бросят все полицейские силы Франции. Во-вторых, это немного похоже на игру. Он приглашает нас поучаствовать, понаблюдать, как будто хочет что-то сказать и нам. Но вывод из всего этого меня тревожит.

– Пожалуйста, говорите, именно поэтому вы здесь, – подбодрил ее Натан.

– Если назвать «партией» время между этой минутой и освобождением жертвы, то наша партия будет разыгрываться в два этапа. Первый – спокойный, похититель объяснит, чего он от нас хочет, каков его план, если угодно. Второй – быстрый, который вы оценили максимум в тридцать минут, когда похититель запустит двигатель. И сложность его плана показывает, что он пойдет до конца.

– Убивать нелегко. Ни один полицейский не знает, сможет ли нажать на курок, пока не окажется в безвыходной ситуации.

– Это ясно. Но одно дело вдруг захотеть отравить супруга, а потом хорошо выспаться и передумать, и совсем другое – установить стеклянную камеру, машину, соединить их, похитить одного из самых влиятельных людей в стране и дразнить нас русским сервером и сменой адресов... Не похоже на человека, который может бросить начатое.

– Надеюсь, нам не придется это проверять.

– И это приводит меня к следующей мысли. Неприятной. Здесь есть определенная логика, некое послание. Ведь человека похищают обычно ради денег. Жертва, похититель, обмен. Точка. А тут гендиректор нефтегазовой компании, которого собираются удушить собственным бензином. Тут есть связь, я считаю. Это картина, где все детали на своих местах.

Она помолчала, чтобы Натан успел осознать смысл ее слов. Затем продолжила:

– С самого начала вы говорили о похищении с требованием выкупа. Но что, если похитителю не нужны деньги?

– Слишком много усилий для того, чтобы просто что-то нам сообщить.

– Верно. Если только это не показательная казнь.

– Думаете, мы ее увидим? Казнь в прямом эфире?

– Нет. Не в этот раз. Памятник возводят, чтобы всем его показать. А церковь – чтобы получить новых приверженцев. Он бы не стал устраивать весь этот спектакль ради нескольких полицейских. У него еще недостаточно зрителей. – Диана нетерпеливо посмотрела на часы. – А сейчас мы с ним познакомимся.

В мире

Франция

Монбризон. Юг Луары.

Клиника Форес. Раннее лето¹⁰

Злое солнце жгло все без разбора, от крыш до асфальта. На лужайке перед клиникой цветы поникли, а деревья были одеты в пожухлую зеленую листву.

Том сидел в машине неподалеку от клиники, опустив окна, и мечтал о Дубае и его вездесущих кондиционерах, в том числе на улицах. На местной радиостанции даже ведущий, казалось, страдал от перегрева.

– Внимание, дорогие слушатели. Соцсети сходят с ума, но давайте не терять здравого смысла. Нам сообщили, что в Роанне, примерно в пятидесяти километрах от нас, ожидается сильная буря с градом. Учитывая палящее солнце, нас это вряд ли коснется. Но с нами в студии наш уважаемый метеоролог. Может быть, он нас успокоит?

– Вы правы, бояться нечего, хотя нужно помнить о том, как изменчивы метеоусловия. В этом году непогода уже нанесла ущерб в несколько миллиардов евро по всей Франции. Из-за глобального потепления штормы, наводнения и прочие капризы неба множатся и усиливаются. И наши соседи в Роман-сюр-Изере в этом уже убедились – меньше месяца назад невиданная буря опустошила их фермы, разрушила немалую часть города и превратила улицы в реки¹¹.

– Апокалипсис приближается, дорогие слушатели, но я вас уверяю, что он наступит не сегодня...

Увлечшись этими сомнительными новостями, Том не заметил, как из клиники вышла Инес в короткой юбке и легкой блузке, хотя при таком пекле даже в этой одежде было невы-

¹⁰ Монбризон. Юг Луары. Клиника Форес. – «Бури в Форесе и в Роанне. Градины размером с теннисный мяч. В Монбризоне град еще крутнее», *Le Progrès, Луар-Нор*, 6 июля 2019 года.

¹¹ И наши соседи в Роман-сюр-Изере в этом уже убедились – меньше месяца назад невиданная буря опустошила их фермы, разрушила немалую часть города и превратила улицы в реки. – «Роман-сюр-Изер: в городе прошел сильнейший град», *France Info*, 17 июня 2019 года.

носимо жарко. Она быстро подошла к машине, осторожно села на горячее сиденье. И сразу набросилась на Тома с упреками:

– И долго ты меня тут ждешь с работающим двигателем?

– Не знаю, минут пятнадцать.

– Прямо восьмидесятый год.

– Мое любимое время. – Том притворился, что не понимает намека. – Ну что, пойдём в теник или будем здесь вариться?

Прищурившись, Инес посмотрела на здание клиники, как будто хотела заглянуть в будущее.

– Подожди, – сказала она, – хочу понять, не водит ли меня за нос моя новая пациентка.

Десять секунд спустя в дверях показалась девочка-подросток в больничном халате, к ее руке тянулась трубка переносной капельницы. Девочка проковыляла к лужайке, огляделась, достала из кармана сигареты и сунула одну в рот.

– У нее одежда пахла табаком! – торжественно воскликнула Инес с интонациями Эркюля Пуаро, который раскрыл преступление.

Девочка затянулась второй раз. Лазурное небо стало стремительно сереть. В вышине молния выпустила первый электрический коготь, тот разделился на два, каждый из них еще на несколько, и один с треском ударил в громоотвод клиники. Это был первый из 73 700 ударов молнии, обрушившихся на город за следующие двое суток¹². Сразу же начался дождь, проливной, мощный, и запахло озоном. Что-то с грохотом ударило по крыше машины, и Тому сначала показалось, что это ветер опрокинул садовую кадку с растениями. Том уже собирался выйти, как вдруг треснуло лобовое стекло. На капоте лежала глыба льда размером с шар для игры в петанк. Инес снова посмотрела на своего непокорного подростка.

В четырнадцати километрах над ними сквозь облака пробилась градина и со скоростью 190 километров в час полетела на землю.

Девочка-подросток не двигалась. Возможно, ее оглушило ударом. Только сигарета выпала из пальцев. По лицу побежала струйка крови, обогнула глазницу и скатилась по переносице. Девочка потрогала голову, затем посмотрела на ладонь – та была выпачкана красным.

Потом со всех сторон раздались оглушительные удары. Витрины магазинов одна за другой трескались и взрывались, а в припаркованных автомобилях орала сигнализация. Ударившись о землю, ледяной снаряд разлетелся на куски, и на лобовом стекле стала угрожающе расползаться трещина.

Инес не раздумывая открыла дверцу и уже высунула ногу, но Том с силой дернул женщину назад.

– Сиди!

– Пусти! Как я ее брошу? – умоляла она.

Инес сопротивлялась, но Том лишь крепче ее стискивал. Она стала выкрикивать имя своей маленькой пациентки. Та, растерянная и напуганная, пыталась понять, кто ее зовет. И вместо того чтобы спрятаться в клинике, совсем рядом, она двинулась на голос, которому научилась доверять, голос, что стал ее путеводной звездой.

На полпути огромная градина попала ей в плечо, другая в спину. Девочка упала на колени, однако нашла в себе силы подняться и, пошатываясь, побрела к машине. Но получила по шее новым снарядом размером с апельсин и рухнула на капот; ее тело забило в конвульсиях под ужасными ударами. Из последних сил она подняла глаза на Инес и затихла.

Ярость небес длилась меньше минуты. Вернулось солнце. Инес плакала. Том ослабил хватку. Ветровое стекло, которое держалось только за счет пластикового уплотнителя, осыпа-

¹² Это был первый из 73 700 ударов молнии, обрушившихся на город за следующие двое суток. – «73 700 вспышек молний зафиксировано в небе Франции в эту субботу», *Observatoire français des orages*, Керонос, 7 июля 2019 года.

лось стеклянным дождем на приборную панель. Инес положила девочку на лед, который завалил весь город, и стала звать на помощь.

– Раз-два, и все, – раздался назойливый голос радиоведущего. – Надеюсь, у вас все в порядке. Итак, месье Синоптик, мы опять облажались?

– Природа всегда преподносит сюрпризы, особенно в этом году. В Небраске и Дакоте обнаружили градины размером с футбольный мяч¹³. Гвадалахара за пару часов оказалась под двухметровым слоем льда¹⁴, а в штате Монтана более одиннадцати тысяч птиц были сбиты прямо в небе¹⁵. Бывают дни, когда зонтика мало, надо выходить на улицу с крышкой от люка!

– Да ладно, проехали! А теперь достаем темные очки и зонтики от солнца и, чтобы отвлечься, слушаем «Бич Бойз» и их отличный хит «Калифорния Гёрлз».

Зазвучала гитара, потом литавры, завывала труба, и забряцало электронное пианино... Пятеро музыкантов начали первый куплет, а в это время в метре от побитой машины медсестры и санитары поднимали с земли безжизненное тело девушки, уже накрытое простыней.

5

За час до первого контакта

Войдя в комнату, тюремщик обнаружил, что его узник скребет ногтями по краям стеклянной двери, едва заметной в глубине камеры. В таких безвыходных ситуациях человек надеется на невозможное, – например, что процарапает запертую на два оборота дверь голыми руками. Не обращая внимания на эту тщетную попытку бегства, похититель раздвинул штатив и установил камеру. Настроил угол съемки и кадр. Все было как надо. Камера и добыча.

– Я хочу пить, – простонал гендиректор.

– Как и треть населения Земли, – услышал он резкий ответ.

Было очевидно, что все банальные вопросы уже заданы: «Кто вы?», «Почему я?» и «Что вам от меня нужно?». Вопросы, на которые пленник до сих пор не получил внятного ответа.

Похититель медленно придвинул стул ближе к стеклу. Гендиректор с трудом подполз к нему с другой стороны. Они оказались лицом к лицу, но разговор не начинался. Наконец нервы у гендиректора сдали, и он заговорил:

– Если вы знаете, кто я, то понимаете, что вам это с рук не сойдет. Бросьте мне ключи через отверстие в потолке, уходите, и вас не тронут. Клянусь.

– Интересная мысль, – сказал тюремщик. – Даже в кино так не бывает.

Пленник с умоляющим видом прижался к стеклу, которое мутными облачками запотевало от его дыхания.

– Я лишь могу пообещать, что не буду подавать жалобу.

– Вы ничего не можете пообещать. Конечно же, вы поставите на уши всю полицию Франции.

Загнанный в угол пленник сник и перестал ломать комедию:

– Тогда идите к черту.

– Я подумаю об этом, обещаю. Но сначала посмотрим одно видео, если не возражаете.

Он достал смартфон и увеличил громкость до максимума.

– Вам удобно? Все видно? Напомню на всякий случай, что это две тысячи пятнадцатый год.

¹³ В Небраске и Дакоте обнаружили градины размером с футбольный мяч. – «В Дакоте зафиксирован самый крупный град в истории», *Géoclimat*, 23 июля 2010 года.

¹⁴ Гвадалахара за пару часов оказалась под двухметровым слоем льда... – *Agence France-Presse / L'Express*, 1 июля 2019 года.

¹⁵ ...в штате Монтана более одиннадцати тысяч птиц были сбиты прямо в небе. – *The Washington Post*, 21 августа 2019 года.

Прикоснувшись пальцем к экрану, он включил видео.

Полусфера, похожая на актовый зал в университете. Перед сценой сидят люди. На сцене – бывший генеральный директор «Тоталь» в отглаженном костюме, полный, розовощекий, верхняя пуговица рубашки расстегнута. Он изучает текст документа, который собирается пересказать аудитории. Внимательный слушатель чувствует, что веселый голос гендиректора сулит хорошие новости или искреннюю уверенность в светлом будущем. Именно поэтому его слова бьют наотмашь:

– Передо мной лежит наш общий сценарий, не знаю, будет ли он опубликован. Речь не идет о шести градусах. И не о двух, лучше не питать беспочвенных надежд. Речь скорее о трех, трех с половиной градусах¹⁶.

Две тысячи пятнадцатый. Прошло уже семь лет.

На экране застыло довольное лицо человека, который только что с непринужденным видом объявил, как его бизнес-план будет активно содействовать уничтожению мира.

Похититель снова заговорил, но уже печально:

– Ваш предшественник докладывал о потеплении климата на три с половиной градуса как о неизбежности. Словно он ничего не может с этим поделать, словно он сам стал жертвой этой энергетической гонки, в то время как ваша компания по-прежнему в ней лидирует. Семь лет назад на момент этой конференции повышение температуры всего на полтора градуса было еще мыслимо, но это означало бы пойти против вашей природы. Пришлось бы согласиться оставить в земле треть запасов нефти, половину запасов газа и более восьмидесяти процентов запасов угля¹⁷. Вы вообще это понимаете? Сегодня у «Тоталь» новый генеральный директор, но политика осталась той же, и надежда на улучшение не более чем иллюзия. Я спрашиваю себя, насколько далеко вы, взявшие бразды правления в свои руки, можете заглянуть в будущее. Пять градусов? Шесть градусов?

– А вы поищите информацию, – возразил гендиректор, продолжая держать удар. – Мы прилагаем усилия для использования чистых источников энергии, которые...

– Заткнись.

Похититель опомнился, недовольный вырвавшимся ругательством, своей ненужной агрессией, почти слабостью. Он бросил взгляд на камеру, как будто она тоже могла его осудить.

– Прощу прощения, – сказал он чуть мягче. – Просто я больше не могу выносить эту ложь. Девяносто процентов вашего оборота приходится на природное топливо¹⁸, а выбросы углекислого газа растут, несмотря на соглашения по климату¹⁹. Вы тоже скажете, что глобальное потепление вызвано потребителями нефти, а не вами, ее производителями²⁰? Кажется, вас

¹⁶ *Передо мной лежит наш общий сценарий, не знаю, будет ли он опубликован. Речь не идет о шести градусах. И не о двух, лучше не питать беспочвенных надежд. Речь скорее о трех, трех с половиной градусах.* – Из доклада Патрика Пуянне, президента и генерального директора компании «Тоталь», *Cash Investigation*, «Климат – блеф международных компаний», *France 2*, 2016 год.

¹⁷ *Семь лет назад на момент этой конференции повышение температуры всего на полтора градуса было еще мыслимо, но это означало бы пойти против вашей природы. Пришлось бы согласиться оставить в земле треть запасов нефти, половину запасов газа и более восьмидесяти процентов запасов угля.* – *Novethic*, апрель 2019 года, и *Nature*, статья Кристофера Макглейда и Пола Эткинса, 8 января 2015 года.

¹⁸ *Девяносто процентов вашего оборота приходится на природное топливо... – «Тоталь» должна перестать использовать природное топливо, это вопрос жизни и смерти»,* *La Tribune*, 4 мая 2020 года, и отчет Международного энергетического агентства, 2020 год.

¹⁹ *...выбросы углекислого газа растут, несмотря на соглашения по климату.* – «Выбросы углекислого газа компании „Тоталь“ снова растут», *Les Échos*, 12 ноября 2019 года.

²⁰ *Вы тоже скажете, что глобальное потепление вызвано потребителями нефти, а не вами, ее производителями?* – интервью с Патриком Пуянне, *Le Monde*, 4 июня 2020 года. Полный текст: «Мы не несем ответственности за эти косвенные выбросы. Начать с того, что мы не решаем, на чем работают двигатели наших клиентов. „Тоталь“ не производит самолеты, автомобили или цемент. Именно спрос создает предложение, а не наоборот».

не волнуют последствия, словно где-то на Земле есть секретный купол чистого воздуха для вас и ваших потомков, частный подземный город или корабль, готовый доставить вас на иную планету.

Он порылся в кармане джинсов и достал скомканную бумажку.

– Нефть, сланцы, природный газ – чем грязнее, тем больше денег вы зарабатываете. Список ваших проектов, пусть даже неполный, заставил бы замолчать самого ярого скептика. Вы опустошаете планету в ста тридцати странах²¹, равнодушно наблюдая за ухудшением ситуации. Вы могли бы удовлетвориться этим, но вам все мало. Вы заглядываете вперед на пятьдесят лет, тогда как еще пятьдесят лет назад ученые предупреждали вас об опасности и до сих пор это делают.

– Есть и похуже нас, – сказал обвиняемый.

– В мире? Да. Но среди французских компаний безусловно нет. Чтобы добыть пятьсот миллионов литров нефти в день, вы не останавливаетесь ни перед чем²². Земля – это умирающий пациент, из которого вы выжимаете последние капли крови. И вы готовы пойти на любой риск, при этом сами не рискуя ничем. В Африке, колыбели мира, вы заставляете армию выселять целые народы, которыми потом кишат трущобы, вы прокладываете огромные нефтепроводы в сейсмических зонах, наивно надеясь, что земля все стерпит, вы уродуете гигантские национальные парки и угрожаете сотням тысяч видов животных²³. Вместо того чтобы притормозить, умерить пыл и задуматься о лучшем будущем, вы несетесь к катастрофе, вы ничего не делаете, закрываете на все глаза.

Тюремщик подождал реакции от пленника, но тот спокойно смотрел в камеру:

– Вы же не ко мне лично обращаетесь, не так ли?

– Вы правы. Какой смысл рассказывать то, что вы и так знаете? Но если позволите, у меня вопрос. Могу я вам его задать?

Гендиректор отвернулся и прислонился к стене. Он больше не хотел участвовать в этом цирке, поскольку приговор уже был вынесен.

– Интересно, видите ли вы их в зеркале, когда умываетесь по утрам? Видите ли трупы девяти миллионов человек, которые ежегодно умирают от загрязнения воды, воздуха и почвы²⁴? Двадцать пять тысяч смертей в день. Но главное, как вы умудряетесь не застрелиться, когда понимаете, что оставляете потомкам? Как можно с вами дружить? Как жена или дети отличают убийцу от мужа или отца? Как может человек в здравом уме вас любить?

Гендиректор закрыл глаза. Он представил толпу полицейских у себя дома, пытающихся успокоить его семью.

– Вы не отпустите меня, верно?

– Нет, не верно. Есть сценарий, по которому вы можете вернуться домой.

Удивленный гендиректор повернулся к стеклу:

– И что я должен сделать?

– Измениться. Радикально. Но не беспокойтесь, я вам в этом помогу.

²¹ *Вы опустошаете планету в ста тридцати странах...* – Официальный сайт компании «Тоталь».

²² *Чтобы добыть пятьсот миллионов литров нефти в день, вы не останавливаетесь ни перед чем.* – «„Тоталь“ добывает более трех миллионов баррелей в день», *Les Échos*, 6 февраля 2020 года. Баррель составляет 159 литров.

²³ *В Африке, колыбели мира, вы заставляете армию выселять целые народы, которыми потом кишат трущобы, вы прокладываете огромные нефтепроводы в сейсмических зонах, наивно надеясь, что земля все стерпит, вы уродуете гигантские национальные парки и угрожаете сотням тысяч видов животных.* – Тома Нуаро. «Встретимся в суде, „Тоталь“», *Billets d'Afrique*, 30 января 2020 года.

²⁴ *Видите ли трупы девяти миллионов человек, которые ежегодно умирают от загрязнения воды, воздуха и почвы?* – «Загрязнение окружающей среды, вызывающее девять миллионов смертей в год», исследование *The Lancet* и публикация *Le Monde*, 20 октября 2017 года.

6

За несколько минут до первого контакта

Диана Мейер вытерла вспотевшие ладони о грубую ткань джинсов, затем капнула на руки спиртовой гель. Напарник весело смотрел на нее.

– Волнуетесь?

– А что? Вы не волнуетесь?

– Не очень. У меня что-то вроде «туннельного зрения». Я сосредоточиваюсь на деле и отбрасываю эмоции, которые мешают работе.

– Например, что потерпите неудачу?

– Так глубоко я не задумывался, но да, и это тоже.

Натан переключил мобильник в авиарежим, Диана последовала его примеру. Позади них открылась дверь, в проем заглянул специалист из отдела цифровых расследований.

– Мы соединим вас на минуту раньше, – предупредил он. – Можете включать экран. Будут изображение и звук, но мы убавили микрофон с вашей стороны, так что сможете говорить шепотом, вас не услышат. Как обычно, постарайтесь удержать звонящего на линии как можно дольше.

– Я думала, его невозможно локализовать, – сказала Диана, когда техник ушел.

– «Невозможно» и «полиция» не рифмуются, – ответил Модис, нажимая кнопку на пульте.

На экране появилась главная страница сайта знакомств. Купидон с натянутым луком целился в сердце и предлагал зарегистрироваться, чтобы закрутить безумные любовные романы или провести несколько романтических вечеров.

– Айтишники сидят в соседнем кабинете. Они сами все сделают.

Побродив среди анонимных одиночек и изменщиков, курсор мыши нашел профиль под названием «Total» и нажал на сердце. Купидон согнул лук, пустил стрелу, и через несколько секунд пришло приглашение на видеосеанс, которое было немедленно принято. На экране появилась знакомая сцена.

Стеклянная камера с человеком внутри.

Плавно сменился ракурс, и на экране показался некто в маске животного. Он не двигался. Маска привела полицейского и психолога в недоумение.

– Панда? – прошептал Натан.

– Я знала, что он спрячет лицо, но тоже такого не ожидала.

– Думаю, голос он тоже изменил. Он сделает все, чтобы мы его не идентифицировали.

На плечо панды легла рука. Щеку пересекала кроваво-красная линия, отчего панда сразу перестала быть милым пухляшом. Из-за ее спины раздался дружелюбный голос:

– Спасибо, дальше моя работа.

Повинуясь приказу, панда встала и нечаянно задела штатив. Камера дернулась и на долю секунды показала другой угол комнаты, где находились еще три панды со шрамами. Затем камеру вернули в исходное положение.

В блокноте Модис записал: «Четыре маски. Кто главный?»

Как бы отвечая на этот вопрос, похититель занял свое место. Маски на нем не было.

– Здравствуйте, – поприветствовал он непринужденно. – Кто у нас тут? Полицейский для переговоров, я полагаю?

– Капитан Натан Модис.

– Здравия желаю, капитан. И с вами, возможно, психолог, чтобы понять, с кем вы имеете дело.

– Диана Мейер, я психолог-криминалист.

- Вам тут быстро наскучит, меня не очень сложно просчитать.
- К тому же вы без маски, – заметила она.

Короткие седеющие волосы, волевой подбородок. Взгляд, хотя и спокойный, не скрывал ледяную решимость. Вежливость, столь неуместная сейчас, делала ситуацию еще более неоднозначной.

– Без маски, потому что я вам не нужен. Я действую не ради собственной выгоды, поэтому мне все равно, что со мной будет. Вы сможете опознать меня через несколько часов, поэтому сейчас мы сосредоточимся на главном.

- На вашем пленнике?
- На моем госте.
- Как он себя чувствует? – спросил Модис.
- Ему бы хотелось выйти отсюда, но он держится.

Переговоры – это как танец, как ухаживание, они имеют четкий ритм, который нужно соблюдать. Подобно влюбленным, которые знают, что непременно окажутся в объятиях друг друга, но боятся нарушить ритуал, Натан чуть помедлил, но не стал тянуть с ответом.

– Вы похитили генерального директора компании «Тоталь». Мы хотим, чтобы он благополучно вернулся к семье. Правила устанавливаете вы. Каковы они?

– Мне нравится ваше четкое мышление, – оценил тюремщик. – Постараюсь работать так же. Сначала кое-что расскажу, затем немного математики и, наконец, перейдем к инструкциям. Ничего сложного, как видите.

Натан закрыл блокнот, Диана скрестила ноги, а похититель уселся поудобнее.

– Знаете ли вы притчу о лягушке и кипятке? Впрочем, даже если бы знали, не сказали бы. Чтобы выиграть время на поиски нас, верно?

– Вы ведете себя как преступник. Сами понимаете, что мы будем вести себя как полицейские. Честно говоря, я пытаюсь вспомнить какую-нибудь сказку про лягушку, но ничего не приходит на ум, так что слушаем.

– На самом деле это скорее эксперимент, чем детская сказка, – сказал человек без маски. – Нам нужно поместить лягушку в воду с температурой сорок градусов. Конечно, она сразу выскочит из банки. Но давайте посадим ее в воду с температурой пятнадцать градусов и начнем подогревать на полградуса в минуту. За такое время лягушка привыкнет к воде и сварится заживо, даже не пытаясь выбраться. Единственное различие между этими экспериментами – привыкание. Мы привыкаем ко всему, даже к тому, что может нас убить.

– Лягушки – это мы? – спросила Диана.

– Верно. А банка – это наша планета. Представьте, что мы утром внезапно обнаружили массовое вымирание животных, взрыв детской смертности, уничтожение лесных массивов, таяние ледников, нехватку питьевой воды, бури, наводнения и смертоносную жару летом. Мы бы испугались настолько, что решили бы действовать без промедления, верно? К сожалению, на все это ушло несколько поколений, и мы успели залечить прежние раны, прежде чем получить новые. Привыкнуть, как лягушки в медленно нагревающейся воде. Привыкнуть и умереть. Поэтому я решил провести шоковую терапию. Чтобы, так сказать, ошпарить совесть людей. Чтобы заставить тех, кто ничего не видит или отказывается видеть, выпрыгнуть из банки. Пусть даже насильно.

Похититель повернул штатив, и камера показала стеклянную тюрьму целиком. Появилось лицо генерального директора; он казался уставшим, но невредимым. В глазах затаилась ярость, будто у льва в зоопарке, которого дразнят дети, кривляясь перед бронированным стеклом. Конечно, в рукопашной схватке гендиректор долго бы не продержался, но о драке он не думал. Он представлял себе, что вся эта операция закончится, и тогда его власть, связи и деньги превратят жизнь тюремщика в ад.

– Берегите эту энергию, чтобы убедить свою компанию, – посоветовал ему похититель.

Он протянул руку, и одна из панд, услужливая и молчаливая, вложила в нее лист бумаги.
– Предупреждаю, что буду говорить немного торжественно, но ситуация обязывает. Это ради благого дела.

Он дважды прокашлялся и заговорил театральным тоном, будто выступал перед полным залом, а не перед тремя слушателями:

– Мы знаем, что грядет мир, в котором будет на четыре градуса теплее. Уже пятьдесят лет ученые предупреждают об этом. Даже наши дети предупреждают нас и взывают к нам. А не знаем мы того, что нас ждет глобальный конфликт. Что произойдет, когда половина планеты будет обескровлена, лишена воды, пищи и жизненного пространства? Что сделают эти люди, когда мы всё у них заберем? Когда мы истощим и загрязним их земли? Когда наша деятельность превратит их города в микроволновые печи или утопит их страны в океанах? Они сделают то же, что бы сделали на их месте и мы. Придут к нам в поисках убежища. Примерно за тридцать лет от двухсот до пятисот миллионов мужчин, женщин и детей придут в Европу в надежде на помощь²⁵. Но мы им ничем не поможем. Наоборот. Мы отправим их назад. Европа съежится, как загнанный зверь, останутся лишь политические партии страха и отвержения. Мы построим стены, но они не выдержат натиска. Мы поставим армии на границах и заплатим наемникам, чтобы они нас защитили. Но они не устоят, потому что ни у одной страны нет армии в пятьсот миллионов человек, и ни один из солдат не обладает яростью и мужеством тех, кому уже нечего терять. Вода и воздух станут продаваться, и цена их будет ценой крови. Вот что произойдет в мире, если температура повысится на четыре градуса. Вот каким будет мир, в котором вы предлагаете нам жить.

Он впервые заглянул в свои записи.

– Мы – «Гринвар», и мы хотим радикальных перемен, которые под силу только крупным компаниям. Мы требуем выкуп в двадцать миллиардов евро.

Он умолк, чтобы слушатели осознали, какая это беспрецедентная сумма. Даже генеральный директор вышел из ступора.

– Прежде чем удивляться, – продолжал похититель, – позвольте уточнить, что мы не оставим себе ни цента. Более того, мы хотим вернуть вам эти деньги как можно скорее.

Диана и Натан в замешательстве переглянулись. Сценарий был для них новым, и они не знали, как именно он будет разворачиваться.

– Сделайте шаг навстречу планете, и я вознагражу вас. Это похоже на систему оценок в школе. Вы получите пять миллиардов обратно, когда объявите о расторжении всех новых контрактов, по которым еще не начали добывать нефть или газ. Еще за пять миллиардов придется отказаться от добычи битумной нефти в Канаде: выбросы углекислого газа там в тридцать раз больше, чем у обычной нефти²⁶. Еще пять миллиардов – когда вы перестанете импортировать сланцевый газ по всему миру²⁷. А чтобы получить последние пять миллиардов, придется создать фонд для исследований зеленых источников энергии.

Надменным и агрессивным тоном человека, который не желает проигрывать, генеральный директор снова заговорил:

– Исследовательский фонд? Вы сами знаете, что альтернативы ископаемому топливу сегодня нет. Это утопия. Без нашей нефти мир за неделю погрузится во тьму.

²⁵ Примерно за тридцать лет от двухсот до пятисот миллионов мужчин, женщин и детей придут в Европу в надежде на помощь. – «Цена бездействия», Международное движение Красного Креста и Красного Полумесяца, 19 мая 2019 года; «Внимание! Изменение климата. В 2050 году – 200 миллионов нуждающихся в гуманитарной помощи», *Le Point*, Программа ООН по окружающей среде, 2018.

²⁶ Еще за пять миллиардов придется отказаться от добычи битумной нефти в Канаде: выбросы углекислого газа там в тридцать раз больше, чем у обычной нефти. – У «Тоталь» 25 % участия в проекте *Fort Hill* (Канада) и 50 % – в проекте *Surmont* (Канада), официальный сайт компании «Тоталь».

²⁷ Еще пять миллиардов – когда вы перестанете импортировать сланцевый газ по всему миру. – Гийом Шарон, «Сланцевый газ, новый источник энергии», *Technip*, сентябрь 2014 года.

– Это не утопия. И я знаю слабые стороны зеленой энергетики. Производительность ветрогенераторов слишком непостоянна. Фотоэлектрические панели сделаны из редкоземельных металлов, на них кровь детей, которые добывают их в шахтах. У электромобилей есть батареи, а у ядерной энергетики – отходы. И все же... Вы отлично справились с задачами своего времени. Когда нужно было бурить в океанских глубинах или разрабатывать месторождения в сейсмических зонах, вы нашли время для размышлений. Вы проявили терпение, ум, изобрели технологии и научные методы, вы были смелы и даже гениальны, надо признать. Ту же решимость, ту же изобретательность мы должны направить сейчас на энергетику будущего, чтобы найти выход и перестать сетовать на препятствия.

Вопреки ожиданиям в камере раздался смех генерального директора.

– Двадцать миллиардов на исполнение мечты сумасшедшего! В любом случае то, о чем вы просите, невозможно. Никто не сможет собрать эту сумму.

– Никто, это однозначно. Но для такой компании, как ваша, это вполне осуществимо. Мои товарищи – представители всех слоев общества, всех социальных классов, всех профессий. Наш финансовый эксперт сделал расчеты на основе ваших инвестиций и годовой прибыли, а наш бухгалтер открыл сберегательный счет в офшоре. Не думайте, что мы наспех организовали эту операцию. Мы готовы к ней уже давно. Мы просто даем вам шанс перейти на экологическую модель, и если вы проявите смекалку, то зарабатывать будете столько же, сколько и раньше. Имейте в виду, что это первый в истории выкуп, который вернется в полном объеме, если вы поступите правильно. Даже не выкуп, а залог. Нам не нужны ваши деньги, мы просто хотим, чтобы они использовались по-другому. У вас есть двадцать четыре часа, чтобы принять меры. В противном случае вы увидите смертную казнь, от которой я не получу никакого удовольствия, но она необходима. У меня нет выбора. Вы не оставляете нам выбора. Наша сделка проста и при этом войдет в историю.

К камере подошел человек. Его маска панды со шрамом заняла весь экран, пока не превратилась в размытое пятно.

– Завтра в это же время, – сказал он.

И связь прервалась.

Мейер и Модис не сразу вернулись к реальности. Они двигались по незнакомому минному полю, без карты и компаса.

– Я никогда... – заикаясь, произнес Натан. – То есть такое впервые...

– Я тоже, – кивнула Диана.

Полицейский достал из кармана телефон, вышел из авиарежима и подключился к Сети. Устройство завибрировало сотней сообщений, они шли без остановки.

– Черт... Включи-ка мобильный, – посоветовал он Диане.

7

Разумеется, шеф уголовного розыска за годы работы не раз терял терпение и пылал гневом, но сегодня он превзошел самого себя. Ошеломленный руководитель отдела цифровых расследований получил удар за ударом, он уже оглох, но шеф продолжал орать:

– Вы уверяли, что разговор будет приватным, черт вас дерит!

– Я так и думал, но он устроил прямой эфир в соцсетях. Преступникам свойственна осторожность, мы такого не ожидали, это не в их привычках.

– Мало ли что можно сделать по привычке! – проревел шеф. – Привычки дома у себя оставьте, а здесь у нас следствие!

Он скомкал документ, который айтишник дал ему две минуты назад, с такой силой, будто скомкал самого айтишника.

– Вон из кабинета!

Тот выскочил, радуясь, что можно наконец убраться. Под огнем остались только Мейер и Модис.

– Восемьсот человек смотрели ваши переговоры в прямом эфире. Через двадцать минут их увидели два миллиона. К вечеру это будет вся Франция. Нас поймали так, как никогда раньше. В Интернете буря. Хэштеги «Greenwar», «экология», «лягушка», «панда», «20миллиардов» и «Тоталь» в топе поисковых запросов. К несчастью для вас, «КапитанМодис» и «ДианаМейер» тоже там. И это лишь начало!

Оцепенев, Диана представила свое имя в безбрежности социальных сетей. Она заставила себя упереться носками в пол, чтобы в приступе агорафобии сохранить контакт с окружающей средой и сдержать паническую атаку. Шеф этого либо не заметил, либо ему было все равно.

– Ладно, Мейер, дело за вами. Не подведите меня.

Диана терялась в мыслях, не в силах начать анализ. Стол становился все длиннее, лицо шефа расплывалось, а голос прерывался, будто она смотрела на происходящее со дна бассейна.

– Он идет против системы... – наконец услышала она собственные слова.

Конец фразы повис в воздухе. Ее долгое молчание моментально взбесило шефа, и Диана бежала по коридору к туалету под его вопли.

Открыв кран, она плеснула холодной воды себе в лицо, намочив ворот и плечи свитера.

– Ты в мужском туалете, – сказал Натан, появляясь в дверях.

– Прости. Шеф, наверное, подумал, что я сумасшедшая.

– Так он думает обо всех психологах.

Он достал из дозатора два бумажных полотенца и протянул ей.

– Рассказывай. Что с тобой случилось?

– Я вам не подойду, – заявила Диана, вытирая лицо и громко сморкаясь в те же полотенца. – Вы просите проанализировать человека, который целиком посвятил себя одному делу. Его не существует. Понимаешь, о чем я?

– Его борьба выходит за рамки собственных интересов. Ты это имеешь в виду?

– В общем, да. Он действует не в своих интересах, а во имя справедливости, которая, по его мнению, попирается. Поэтому пытаться составить его профиль, скорее всего, бессмысленно.

– Именно поэтому ты вскочила и побежала в туалет?

Диана бросила полотенца в мусорное ведро и тщательно протерла гелем руки.

– Я не подхожу для этой операции. Я не выношу толпы, а теперь я в центре внимания соцсетей. Мое имя и лицо сейчас в каждом мобильнике. Даже в туалете кажется, что за мной следит миллион человек. И я не люблю открытые пространства, а этот тип постоянно говорит о планете, глобальных изменениях, населении, вымирающих континентах и всеобщем загрязнении. Голова кружится.

– Не хочу тебя еще больше пугать, но имей в виду, что этот миллион пользователей ты можешь умножить на три прямо сейчас и на десять вечером. Даже не думай до конца расследования выходить отсюда или возвращаться домой. Я сниму тебе номер в гостинице неподалеку. Когда понадобится, направлю туда своих людей. Номер очень маленький, тебе понравится.

– Я так понимаю, ты не планируешь менять напарника?

– Диана, мы познакомились только утром, рановато еще расставаться, – засмеялся он. – Если серьезно, никто не займет мое или твое место, потому что не захочет. Ты же с самого начала понимала, что будет.

– И мои догадки подтвердились. Его требования невыполнимы. Даже если гендиректор согласится, остальные в его компании будут против. Легче потерять начальника, чем отдать двадцать миллиардов евро.

– И?

– И мы увидим публичную казнь. К этому он и вел с самого начала.

– И что же?

– И ты прав, никто вместо нас работать не захочет, потому что финал будет плачевным.

– Если только ты не найдешь выход. Мы тоже в ловушке. Двери закрываются одна за другой. В таких ситуациях я чувствую себя подопытной крысой в лаборатории. Но ведь именно там тебе уютнее всего, верно? В маленькой комнате, в норке. Забудь о планете, о его миссии по спасению человечества, думай лишь о стеклянной камере и троих людях. Король панд со шрамами, его добыча и ты. Отключи голову, включи интуицию.

Натану удалось успокоить Диану, и она на мгновение забыла о своем новом статусе самого известного психолога-криминалиста во Франции.

– Тогда рассказываю все подряд, – предупредила она.

Но ей понадобилось еще немного времени, и она сделала три глубоких вдоха, словно разгоняясь.

– Так. Он спокоен и вежлив. На него не давит стресс. Он знает, куда идет. Четко подбирает слова. Речь безупречна. Он репетировал ее сотни раз. Он не только не совершит ошибок, но и всегда будет на шаг впереди.

– Это ведь клише.

– Клише – это факт, который повторяется так часто, что превращается в карикатуру на самого себя. Так что да, клише, но от этого не менее верное. Вспомни, что он сразу вычислил нас: полицейский для переговоров, психолог для профайлинга.

Натан кивнул, ее слова звучали убедительно.

– Перед тем как выскочить в коридор, ты сказала начальнику, что «он идет против системы».

– Я имела в виду гражданское неповиновение, которое заставляет действовать против того, чему его учили. Он берет ответственность за свои действия, но ими не гордится, и это слышно. Ты заговорил о его «пленнике», он ответил словом «гость», будто смутился. Я убеждена, что наш бунтарь раньше был послушным. Вероятнее всего, военным. Своего финансового эксперта и бухгалтера назвал «товарищами», оценил твою любовь к порядку.

– Он также ответил «здравия желаю, капитан», когда я представился. Свяжусь с военной разведкой и проинформирую их.

– Скажи, чтобы искали офицера. Очевидно, у него есть опыт командования. Он умеет сплотить вокруг себя людей, объединить их, а это возможно в двух случаях: личная харизма или правое дело. К сожалению, он обладает и тем и другим. Осталось выяснить, какие причины толкнули его на это. Точно не деньги. Что за перелом случился в его жизни? Что за яд его отравил? Почему именно он? Почему именно сейчас? Если мы это выясним, у нас может появиться рычаг психологического давления или, по крайней мере, способ установить личную связь.

– Отлично, – сказал Натан. – Нам хватит работы до следующего контакта. Я к шефу, доложу ситуацию. Может, теперь выйдем из сортира?

Мысль была дельная, но Диана замерла у дверной ручки, на которой миллиарды копашащихся микробов жаждали ее прикосновения.

– Подвинься, принцесса, – усмехнулся ее партнер.

В мире

Север Тихого океана

*Август 1997 года. 700 морских миль
от побережья Сан-Диего*

Всю долгую неделю нервы экипажа атомной ударной подлодки «Александрия» были натянуты до предела, но люди не сдавались. Будь то симуляция поломки горизонтального руля при погружении, учебная пожарная тревога или затопление – весь экипаж, от командира до старшего матроса и команды машинного отделения, хладнокровно справлялся с задачами. Никто ничему не удивлялся и не ожидал похвалы, так как именно этому их учили.

Как только корабль и персонал были одобрены, начались долгожданные учения.

Предстояло двое суток охоты: капитан Сид Морли с подлодки «Александрия» против командера Дениса Хэмптона с противолодочного фрегата «Халибёртон».

Задача подлодки: в течение сорока восьми часов незаметно подойти к цели и имитировать выстрел.

Задача фрегата: оставаться начеку, прослушивать океан, обнаружить подлодку, в идеале ее уничтожить или хотя бы избежать попадания учебной торпеды.

Учения были непростыми, к тому же стали собираться грозные облака, и волны, вздымаясь, будто бы смешивались с ними, мотая корабль, словно игрушку в ванне.

Хэмптон бросил экипаж на первые тридцать часов учений, передав командование помощнику. Не выходя из каюты, он лишь читал отчет об операции. На тридцать первом часу, с чашкой остывшего кофе в руках, отдохнувший, он доложил о результатах в штаб. Старый морской волк сохранял идеальное равновесие, несмотря на качку.

– Я знаю Морли, – заверил своих людей Хэмптон. – Был у меня в подчинении. Он паук, терпеливый шахматист. Никогда не начнет атаку сразу. Притаился прямо под нами, мотает нам нервы.

Старпом сел рядом с командиром. Их кресла были надежно привинчены к полу.

– А вы? Будь вы кошкой, как бы вы погнались за мышью?

– В северной части Тихого океана? В середине лета? Я бы завис в термоклин. Разница температур между теплым и холодным слоями воды обеспечивает идеальную защиту. Звуковые волны отклоняются, и гидролокатор ловит помехи. Да, я бы ушел в термоклин. И Морли явно собирается это сделать.

Затем Хэмптон поведал несколько баек о своих военных заслугах и подвигах от Берингова моря до Индийского океана, как дед у костра рассказывает внукам истории из жизни.

– Слышу подлодку, – предупредил вахтенный, надев наушники и приковав взгляд к экрану.

Хэмптон вскочил с кресла:

– Расстояние?

– Двадцать пять морских миль. Но по классификации контакт очень слабый и диффузный.

– Новое покрытие «Александрии» лучше экранирует ее. Так что сигнал и должен быть диффузным.

– Мы же не собираемся бить кита торпедой?

– И то верно. Приготовьте вертолет «Си хоук». Он будет нашими глазами.

Пилот вертолета выскочил из каюты. Под вой тревоги он промчался по освещенному красным светом проходу, чуть не сбив пару матросов, и взбежал по металлической лестнице на открытую палубу «Халибёртона». Два авиационных техника заканчивали последний осмотр вертолета, который был готов взлететь ровно через пять минут после отдачи приказа.

Вслепую преодолев плотное месиво кучевых облаков, пилот вел вертолет по приборам сквозь ливень, пока не вошел в сердце бури. Очень осторожно попытался занять позицию «диффузного контакта», обнаруженного гидролокатором.

– Видимость нулевая. Надо выбираться отсюда. Опускаюсь до двухсот футов.

Концентрическими кругами вертолет снизился до шестидесяти метров. Небо озарилось вспышкой молнии, и на четверть секунды показалась водная поверхность.

Перед пилотом предстало невиданное зрелище, и он не сразу подобрал слова.

– Нахожусь над «контактом», но... Что-то невероятное. Эта штука тянется метров на пятьсот. Пока не знаю, что это, даже не вижу контуров. Надо спуститься пониже...

В оперативном центре на «Халибёртоне» захлебнувшийся штормом радиосигнал зашипел, и конец сообщения утонул в белом шуме.

– Пятьсот метров? – повторил Хэмптон. – Таких крупных животных не бывает.

– А как насчет «Кузнецова»? Русские вооружили его только в прошлом году, и мы не знаем ни всех его характеристик, ни возможностей маскировки. Не его ли они испытывают в наших водах?

– Я знаю схемы этого корабля наизусть. Длина «Кузнецова» триста метров. Не пятьсот. И его присутствие здесь было бы объявлением войны, не больше и не меньше.

Вахтенный увеличил громкость рации.

– Командир? Восстанавливаю связь с «Си хоуком». «Си хоук»! Мы вас потеряли. Все в порядке?

Связь прерывалась, но слова пилота можно было разобрать.

– Спустился до ста футов. Полностью вижу цель. Сделаю снимки, иначе вы мне не поверите. Тут не пятьсот метров, а гораздо больше. Оно... бесконечное.

– «Си хоук», передает «Халибёртон», – нетерпеливо крикнул Хэмптон. – Что там? Что за хрень? Что вы видите?

– Кажется, пластик. Куски слипшегося пластика. Насколько я вижу издалека. Континент из пластика.

Позади вертолета образовалась гигантская волна. Постепенно она поднялась на двадцать метров и чуть не лизнула полозья. Пилот видел, как в метре от кабины плещутся миллионы тонн мусора. Бутылки, банки, соломинки, разноцветные части каких-то предметов, крышки, пакеты всех размеров – все это плавало в желе из пластиковых микрочастиц. В океане словно ожило мусорное чудовище и широко распахнуло помойную пасть, чтобы поглотить вертолет.

– Становится опасно. Возможен отказ приборов, возвращаюсь на борт!

Хэмптон также вернулся на место. Ситуация его беспокоила, но он был прагматиком.

– Пилот опытный? – спросил он у старпома.

– Как и весь ваш экипаж, командер.

Вахтенный заметил на экране гидролокатора контакт, не слабый и не диффузный, сразу позади корабля. В тот же миг дошло радиосообщение от противника по учениям.

– Командир, – несмело позвал офицер.

– Что вам, черт подери? – рявкнул Хэмптон не по протоколу.

– «Александрия» по левому борту. Морли сообщает, что зафиксировал цель и смоделировал два пуска ракет по нам. Мы погибли на тридцать втором часу и сорок третьей минуте. Операция завершена.

«Беда не приходит одна», – подумал командир.

– Свяжитесь со штабом. «Халибёртон» потоплен. Конец учений.

– А что насчет того, что видел пилот?

– Информации нет. Отправим туда команду. Не хочу показаться чокнутым из-за этой ерунды. Мусорный континент!²⁸ Мы бы его заметили раньше. Бред какой-то.

²⁸ Мусорный континент был открыт в 1997 году; на сегодняшний день существует три таких континента общей площадью 1,6 миллиона кв. км: 7 миллионов тонн пластика на поверхности воды и 4 триллиона тонн на дне. При нашем дальнейшем бездействии, не пройдет и десятилетия, эти цифры увеличатся вдвое. – *Примеч. автора.*

Нанси, площадь Станисласа, вся в пандах. Лилль, площадь Шарля де Голля, вся в пандах. Площадь Биржи в Бордо, вся в пандах. Площадь Комедии в Монпелье, вся в пандах. Можно объехать всю Францию, переключая новостные каналы. Тысячи панд со шрамами вышли на улицы по всей стране. В магазинах распродали все маски, на сайтах их тоже не осталось, самые ловкие вырезали черно-белую морду из картонки, прикрепили к палке и несли перед лицом на манер венецианских масок. У каждого шрам индивидуальной формы, нарисованный маркером или губной помадой.

На площади Республики в Париже панда, более приткая, чем другие, забралась на величественного бронзового льва. Этот лев, как и окружающие его статуи, – аллегория всеобщего избирательного права, признания права голоса за каждым гражданином. Но голосование раз в пять лет – это не демократия, и поскольку никто ничего у народа не спрашивал, сегодня вечером народ решил высказаться сам.

Полиция окружила площадь кольцом, туда же вызвали бригады быстрого реагирования. Пробившись сквозь толпу, трое полицейских в штатском незаметно подошли к панде-альпинисту. Его схватили за лодыжки, стянули со льва, завели руки за спину и надели наручники. «Нарушение общественного порядка», – напишут в рапорте.

Возмущенная их действиями молодая женщина что-то гневно выкрикнула, и журналист, услышав крик, передал ей микрофон.

– Правительства меняются, но не учатся на своих ошибках, – возмущенно сказала она. – Будто каждый президентский срок начинается с нуля. Пенсионные реформы – полиция на улицах. Люди протестуют и ставят палатки – опять полиция. Реформа школьного образования – полиция тут же в лицах. Беженцы в лагерях – опять полиция в Кале и Дюнкерке. Демонстрации феминисток – полиция на площади Италии. Мирные демонстрации – полиция уже на Елисейских Полях. Полиция не может быть единственным политическим ответом на проблемы общества. Полиция вообще не является политическим ответом. Но однажды полицейские устанут оттого, что их используют как затычку. Когда они поймут, что эта борьба ведется и для них, и для их детей, для всех нас, когда они опустят щиты и присоединятся к нам, тогда в правительстве начнется настоящий кошмар!

Видеокамера развязывает язык, и микрофон взял другой демонстрант. Раздались одобрительные возгласы, люди уже достаточно разогреблись.

– Этому типу дают возможность выбраться из клетки, перестать быть убийцей и стать национальным героем! Не понимаю, чего он ждет! Зеленая энергия в сочетании с ядерной – идеальный дуэт. Уголь и нефть – это самоубийство. Неужели так трудно придумать экономику, которая не ведет к геноциду?

К микрофону протолкнулась женщина лет пятидесяти в очках с толстыми стеклами и в футболке с крупной неровной надписью зеленым маркером «Я „Гринвар“».

– Статья тридцать пятая Декларации прав человека и гражданина, милый мой, – назидательно сказала она репортеру, которому уже не требовалось задавать вопросы. – Когда правительство нарушает права народа, восстание является самым священным из прав и самой прямой обязанностью. Поскольку они ничего не делают, чтобы завтрашний день был лучше, действовать нужно сегодня!

* * *

Постепенно голоса затихли, исчез шум машин, умолкли полицейские свистки и сирены. Шеф «Бастиона» загасил бунт, уменьшив громкость до нуля, и заставил площадь Республики замолчать хотя бы у себя в телевизоре.

– После демонстраций, от которых Францию трясло больше года, они поняли, что могут нагнуть правительство, – проворчал он. – После двух месяцев в изоляции из-за коронавируса люди осознали, что без них экономика рухнет, не будет ни больших начальников, ни дивидендов. Их научили петь в унисон, в них снова открылось желание бороться, защищать себя, раз уж государство этого не делает. Их научили протестовать, и они теперь применяют эти знания. Нашего типа взяли в заложники в самый неподходящий момент, будто страна только и ждала сигнала. Но посмотрим, будут ли они по-прежнему ликовать, когда увидят его убийство в прямом эфире.

Напротив него сидели Модис и Диана. Как опытные метеорологи, они ждали, пока буря утихнет.

– Министерство внутренних дел прислало мне записку из Главного управления...

– Из Главного полицейского разведывательного управления, – уточнил Модис для Дианы. – Оно информирует правительство о динамике общественного мнения и общественных движений.

– Своего рода профайлинг на государственном уровне, – объяснил шеф. – В политическом плане «Гринвар» не принимают ни ультралевые, ни ультраправые. Иначе и быть не может. В то же время акции «Тоталь» на фондовом рынке резко падают.

– Вы не будете инвестировать в компанию, которая может потерять двадцать миллиардов евро, – заметил Модис.

– Не знаю, это вне моей компетенции. Я полицейский, мои люди арестовывают убийц и насильников. Мое сырье – зависть, гнев, ревность или предательство, то есть базовые инстинкты.

Внезапно Диана почувствовала симпатию к этому грубоватому человеку с такими же проблемами, как у нее, пусть он и не признавал их до конца.

– Больше всего меня волнуют соцсети. Счет шестьдесят – сорок в пользу «Гринвара». Признаюсь, я думал, эта маска никого не пугает. Панда – милая зверушка, но шестьдесят тысяч панд на площадях Франции выглядят зловеще.

Он снова взял пульт и запустил видео без звука.

– Вот что крутится в Интернете. Больше всего просмотров у видео, где «Тоталь» вот так запросто рассказывает о потеплении на три с половиной градуса. Потом отрывки из вашей беседы. Больше всего лайков у истории о выкупе-залоге, когда похититель говорит, что вернет деньги. Неприятно признавать, но это умно. Не буду показывать ролики с призывами к скорейшей казни. Люди превратились в палачей, каждый участвует в этом народном суде, прячась за монитором. Надеюсь, что все эти диванные судьи требуют смерти, только чтобы шокировать или набрать просмотры.

– Все нет, – поправила Диана. – Растет скорость выражения мыслей, мы все ближе к базовым эмоциям. Например, бумажное письмо – это продуманное цивилизованное действие. Вы пишете, читаете, исправляете, это занимает время, а время смягчает слова. Электронные письма – совсем другое дело. Вы печатаете быстрее, чем водите ручкой, за несколько минут создаете текст, отправляете, не задумываясь, иногда на следующий день жалеете. Но в комментариях соцсетей люди строчат первое, что придет на ум, кричат, ругаются. Эти реакции отражают самое примитивное и животное, что есть во всех нас, и, боюсь, отражают очень точно.

– Вижу, вам стало лучше, – заметил шеф.

– Да, извините за побег. Модис привел меня в чувство.

– Это и есть задача напарника. Не извиняйтесь, у меня более двухсот полицейских на этом деле, но лишь благодаря вам мы продвинулись.

– Вы опознали его?

– Через военную разведку, как вы и предполагали. Он действительно бывший военный. Но не только. Мне передали его дело и психиатрическую экспертизу.

Он раскрыл картонную папку и вынул черно-белую фотографию. На глянцевой бумаге – серьезное лицо. Похититель.

– Виржил Соал. Сорок пять лет. Начал карьеру в Тринадцатом парашютном драгунском полку, выполнял многочисленные задания в Африке, был награжден Крестом воинской доблести за храбрость. Затем с помощью связей армии и полиции вернулся во Францию и присоединился к полицейским штурмовым группам.

– Полицейский? – удивленно повторил Модис. – Наш коллега?

– Четырнадцать лет уже, да.

– И никто из нас не узнал его?

– Соал недолго оставался в штурмовых группах. Учитывая его профиль, он был принят в другую нашу службу, Управление международного сотрудничества, в качестве технического эксперта в Африке.

– Чем именно он занимался? – спросил Натан. Его все больше беспокоило то, что он узнавал о бывшем коллеге.

– Шесть лет руководил программой подготовки антитеррористических подразделений против «Боко харам»²⁹, а затем пять лет обучал рейнджеров Нигера борьбе с браконьерами в биосферном резервате «Дубль-Ве»³⁰. Два самых опасных задания. Ни пятнышка в послужном списке. Парень из тех, кто выполняет приказы не задумываясь, просто потому, что это приказ.

– Он сильно изменился, – заметил Натан.

– Но он по-прежнему военный. Обученный насилию и привыкший его применять, – заметила Диана.

– Затем он встретил свою будущую жену, – продолжил шеф. – Лора Жентиль работала за рубежом, специалист по университетскому сотрудничеству в посольстве Франции в Абудже. Они поженились в Париже, где она устроилась на новую должность в Сорбонне. Два года Виржил Соал работал то во Франции, то в Африке. Жена забеременела, он взял несколько недель отпуска... и его след затерялся.

– Дезертирство?

– Лучше бы дезертирство. Неудачные роды. Малыш родился мертвым.

Засомневавшись, он снова заглянул в папку.

– Малышка, простите. Затем Соал просто исчез. В одночасье, не подавая в отставку. Шесть месяцев спустя разведка несколько раз обнаруживала его в различных группах гражданского неповиновения, таких как «Восстание против вымирания», и один раз на корабле «Морского пастуха». Никто не объяснил это внезапное превращение из военного в активиста.

– Обе структуры – мирные экологические организации. Возможно, он не нашел того, что искал, – отметил Модис. – С другой стороны, не исключено, что он набирал своих бойцов из числа наиболее радикально настроенных.

Диана решила вернуться к единственному вопросу, который считала важным: потере ребенка. Она нащупала слабое место человека, у которого наконец-то появилось имя. Вероятный психологический перелом. Она посмотрела на часы. Стрелки показывали полночь.

²⁹ «Боко харам» («Западноафриканская провинция Исламского государства») – нигерийская террористическая исламистская организация.

³⁰ «Дубль-Ве» – африканский трансграничный биосферный резерват на территории Нигера, Бенина и Буркина-Фасо, вдоль реки Нигер (там, где она изгибается в форме буквы «W»).

– Виржиль Солал, – повторила она, привыкая к звучанию нового имени. – Вы ведь вызовете его жену?

– За ней готовится ехать бригада.

– Я хочу поговорить с ней.

– Я только что сказал, что мы вам ее доставим.

– Нет, вы собираетесь привезти ее силой. Я хочу пообщаться у нее дома, чтобы она чувствовала себя в безопасности. Можно нам с Модисом поехать туда вместо бригады?

– Хорошо, но она живет в Авероне. Городок Деказвиль, в шестистах километрах отсюда. Вертолет приземлится на крышу через десять минут. У вас приступа не будет?

– Не знаю. Вертолет большой?

– Нет, очень маленький, Диана, – успокоил ее Натан. – И я полечу с тобой.

Они были знакомы всего день, но почему-то рядом с ним Диана чувствовала себя увереннее.

– Тогда пусть будет вертолет.

9

Аверон. Три часа ночи

Вертолет хищной птицей кружил в небе в поисках идеальной площадки для посадки.

Под ними лежала бывшая угольная шахта Деказвилья, которая за двадцать лет заросла травой и превратилась в зеленый кратер. Именно здесь, на безопасном расстоянии от домов, и приземлился вертолет. Модис и Мейер спрыгнули на землю и, пригнувшись под работающим винтом, двинулись к полицейской машине, которая уже освещала им путь фарами. Местный полицейский, с виду совсем мальчик, поспешил навстречу.

– Солиньяк, – представился он, перекрикивая шум вертолета. – Извините, капитан на операции с остальной группой, но она гарантирует вам полную поддержку.

Натан пожал ему руку, Диана кивнула. Винт остановился, можно было больше не кричать.

– Честно говоря, пришлось потрудиться, чтобы найти супругу Солала, – продолжал юный полицейский. – Мы даже не знали, что она живет поблизости. Так странно было узнать, что вы едете! Мы ведь следим за расследованием в Сети и новостях.

– Ехать далеко? – спросила Диана, которой все больше не нравилась растущая слава.

– В деревне все далековато. Будем минут через двадцать. Садитесь.

Модис показал пилоту большой палец, тот ответил тем же: мол, буду вас ждать.

* * *

На холме среди темного леса, словно одинокий часовой, стоял старый каменный дом. Светились только окна.

Солиньяк прекрасно понимал, что его задача лишь сопровождать коллег. Доехав до места и припарковавшись на повороте грунтовки, он даже не вышел из машины.

В нескольких метрах от дома Модис достал пистолет, вставил патрон и убрал оружие в кобуру.

– Я бы хотела пойти одна, – попросила Диана.

– А я бы хотел бесплатную путевку на полгода на море, – усмехнулся Натан. – Ты не знаешь, что нас ждет в этом доме. Я иду с тобой, тема закрыта.

Они прошли по каменной дорожке через сад к крыльцу и позвонили в дверь. Появившаяся на пороге женщина ничем не показала, что ее подняли среди ночи. Приятная блондинка

лет сорока с грустным взглядом и приветливым лицом, в длинном плотном шерстяном палантине. Голос был чистым, почти ласковым.

– Диана Мейер, капитан Модис, входите. Я сварила кофе.

Полицейский и психолог настороженно переглянулись. Они ждали более сдержанного или неприязненного отношения.

Лора Солал поставила три чашки и дымящийся кофейник на журнальный столик перед камином. Некоторые бревна прогорели до пепла. Натан заметил, что на диване продавлена только одна подушка. В комнате не было телевизора, а значит, вмятина указывала на долгие часы сидения за книгой или, что более вероятно, наедине с тяжелыми мыслями. Именно на эту подушку и села Лора, предложив гостям кресла напротив.

– Вы ждали нас?

– Да. Сегодня ночью или завтра. Виржилъ это предвидел. Виржилъ все предвидит.

– И вы согласны с тем, что происходит? С похищением? С захватом заложника? – спросил, не откладывая, Натан. – С тем, чем это может закончиться?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.